

Шэнь Мянью поднял взгляд, осторожно окликнув:

— Братец, — в его голосе слышались испуг и страх.

Шэнь Минчэн слегка напрягся, сжав кулаки, но в итоге убрал пистолет и вытащил испуганного ребенка из машины. Сильный запах алкоголя заставил его нахмуриться — мальчишка был пьян, и кто знает, как с ним обращались по дороге.

Помолчав, Шэнь Минчэн холодно произнес:

— Господин Хо Цянь, вы перешли границы.

Увидев его ревнивый, почти убийственный взгляд, Хо Цянь усмехнулся:

— Разве только я один перешел границы? Господин Шэнь, разве Минсюань не назвал вас «братцем»?

С этими словами он захлопнул дверь машины, и несколько автомобилей исчезли в переулке.

Адъютант, следовавший за Шэнь Минчэном, покрылся холодным потом. Слова Хо Цянь явно намекали на...

Шэнь Минчэн, словно не замечая этого, сам нес мальчика в резиденцию Шэнь, спокойно сказав:

— Я не люблю болтунов, ведь болтуны обычно долго не живут.

Адъютант, весь в поту, поспешно согласился. Когда дело касалось младшего брата, старший словно становился другим человеком.

Несколько служанок открыли плотные занавески, впуская холодный воздух. Вторая наложница, разглядывая узоры, представленные мастером вышивки, держала в руках грелку и, не поднимая головы, спросила:

— Что, ваш молодой господин опять натворил дел?

Она сказала это в шутку, но служанки молчали.

Наложив брови, она передала выбранные узоры мастеру и отпустила ее, а затем спросила:

— Что случилось? Обычно вы все такие болтливые, а теперь вдруг замолчали? Сяо Цуй'эр, говори.

Сяо Цуй'эр побледнела, слегка поклонилась и тихо ответила:

— Вторая наложница, только что из переднего двора сообщили, что за пределами усадьбы произошла стычка. Старший господин даже достал табельный пистолет. Что именно случилось, я не знаю, но младшего господина старший господин принес на руках. Еще говорят...

Вторая наложница швырнула на стол резную грелку с золотым узором, раздался громкий звук. Она буквально засмеялась от злости:

— Я думала, что с возвращением старшего брата он остепенится и не будет доставлять мне

хлопот, но, видимо, его природу не изменишь! Если происходит что-то плохое, он обязательно замешан! Говори, что еще слышала? Хочу знать, на какие ещё беды он способен!

— Говорят, младший господин был пьян в стельку, и когда старший господин его увидел, его... его обнимал и целовал какой-то мужчина... — голос Сяо Цуй'эр почти пропал.

Вторая наложница вскочила на ноги, глаза потемнели, она едва не упала. В комнате все слуги замерли, никто не смел даже громко дышать.

Все в усадьбе знали, что младший господин всегда был распущенным. Что нужно делать, он не делал, а что не нужно, делал с усердием. Раньше он тратил состояния в театрах, поддерживая известных актеров, что хоть как-то можно было назвать «изысканным». Но теперь он заигрывает с мужчинами прямо у порога дома — это уже слишком.

В этот холодный день вторая наложница покрылась холодным потом и спросила:

— Генерал уже знает?

Сяо Цуй'эр покачала головой:

— Управляющий сказал, что генерал уехал на тренировку новобранцев и, возможно, еще не вернулся. Но дежурный у ворот — человек первой госпожи. Хоть они и далеко, и не слышно, что говорили, но у этого подлеца зрение острое, и он увидел то, чего не должен был. Теперь первой госпоже, вероятно, не скрыть. Да и... сегодня адъютант Сунь с солдатами дежурил у ворот, наверняка всё видел. Генерал, скорее всего, узнает сегодня же.

Вторая наложница ударила по столу, выругавшись несколько раз. Ладонь она сжала так, что из неё выступила кровь.

— Где сейчас Шэнь Минсюань? Где бы он ни был, приведите его сюда и запирайте в дровяном сарае. Без моего разрешения никто не смеет его выпускать. Не верится, что я, Мэн Ланьсинь, всю жизнь была умной, а вот с этим непутевым сыном ничего поделать не могу!

Сяо Цуй'эр, видя, что та потеряла рассудок от злости, поспешно согласилась и отправилась к Шэнь Минчэну, чтобы забрать их господина.

Шэнь Мян поместили в комнату Шэнь Минчэна. Адъютант Сунь приказал принести таз с горячей водой, но не позволил служанкам войти. Теперь он был человеком старшего господина и хорошо понимал, что можно показывать посторонним, а что должно оставаться в тайне.

Отношения между мужчинами существовали с древних времен, и в эпоху Республики таких было немало. Например, господин Хо Цянь не интересовался женщинами, не говоря уже о богачах и военных, которые тайно развлекались с актерами. Но чтобы кто-то испытывал чувства к собственному брату — их старший господин, вероятно, был единственным в своём роде.

Он теперь пришёл в себя и размышлял: генерал уже стар, и власть неизбежно перейдёт к старшему господину. Тогда этот младший брат, похожий на небожителя, окажется в руках старшего. Но до этого момента старшему господину придется терпеть, чтобы достичь желаемого.

Адъютант Сунь подал горячую воду:

— Старший господин, похмельный отвар уже готовят, вот горячая вода.

Увидев кивок Шэнь Минчэна, он почтительно удалился.

Шэнь Минчэн выжал горячее полотенце, обнял пьяного мальчика и протер ему лицо, спросив:

— Тебе всё ещё плохо?

Шэнь Мянью покачал головой и тихо позвал:

— Братец...

— Что?

— Братец сегодня достал пистолет.

Шэнь Минчэн замолчал. Шэнь Сяовэй с детства учил их, что члены семьи Шэнь не должны легкомысленно доставать оружие, ведь пистолет — это не игрушка для запугивания, а орудие убийства. Если достал пистолет, то кто-то должен умереть — либо противник, либо ты сам.

Прошло много времени, и Шэнь Мянью уже думал, что мужчина не ответит, но тот заговорил:

— Сегодня я хотел убить Хо Цяня. — Шэнь Минчэн снова опустил остывшее полотенце в горячую воду, выжал его и протер шею мальчика. — Он прикоснулся к тебе, и я разозлился.

Шэнь Мянью моргнул, не понимая:

— Но даже если ты злишься, зачем убивать?

Шэнь Минчэн опустил взгляд, взял его изящные, словно выточенные из белого нефрита пальцы и начал тщательно вытирать их полотенцем, не пропуская ни одного промежутка. Он вытирал так внимательно, что кожа покраснела, и только тогда остановился.

Он бросил полотенце в медный таз и спокойно сказал:

— Хо Цянь заслуживает смерти.

Шэнь Мянью испугался его спокойствия и тихо сказал:

— Он, может, и плохой, но мне не причинил вреда, братец...

Шэнь Минчэн посмотрел на него и спросил:

— А что для тебя, Минсюань, является вредом? Если тебя поцеловал мужчина — это ничего? Если тебя обнял мужчина — это ничего? Если бы ты был девушкой, сегодня он опозорил бы твою честь, и как бы тогда звучала твоя репутация?

Шэнь Мянью надулся и недовольно пробормотал:

— Но я ведь мужчина, мне не нужно хранить целомудрие, как девушке, и моя честь не может быть запятнана. Братец, зачем так злиться?

Холодные глаза Шэнь Минчэна потемнели. Он схватил Шэнь Мянью за запястье, говоря резко:

— Минсюань, ты действительно считаешь, что если тебя так унижают, это ничего?

Шэнь Мянью вскрикнул от боли. Его тонкое запястье покраснело от сильного захвата. Он слегка потянулся, но широкая ладонь сжалась ещё сильнее, словно пытаясь раздавить кость. Шэнь Мянью покраснел от боли и тихо сказал:

— Братец, ты мне больно делаешь...

Шэнь Минчэн усмехнулся:

— Это больно? Ты знаешь, что Хо Цянь задумывает? Ты не осторожен с ним, не умеешь пить, но всё равно выпил, легко сел в его машину. Ты знаешь, какую боль он может тебе причинить? В десять, в сто раз сильнее, чем эта. Если ты даже эту боль едва выносишь, то в его руках ты только заплачешь.

Шэнь Мянью никогда не думал, что этот холодный, сдержанный и спокойный старший брат может быть таким страшным в гневе. Он замер, затем выразил страх и, всхлипывая, сказал:

— Он сказал, что если я не выпью, он накормит меня через губы. Я не смог ему противостоять... Братец, не злись на меня.

<http://bllate.org/book/15553/1415221>